

Поражаешься той поистине генетической предопределённости, с которой московская линия потомства Александра Невского проводила в жизнь идею независимости от иноземного владычества. Внук его Иван I Калита (около 1288–1340) заставил разрозненные русские княжества уважать Москву: где умной силой, где посулами и деньгами, но более всего — ханской властью, с которой умел ладить. «Он понял, что Русь, при всём изнеможении, заключала в себе силы неодолимые, но раздробленные, несогласованные, следовательно слабые, что она умирала единственно от внутреннего неустройства, от запутанности княжеских отношений, что спасти её от неминуемой гибели могло только единоедержавие, которое сосредоточило бы все силы её к одной цели, что для введения единоедержавия необходимо было утвердить власть великого князя за одним родом, который мог бы следовать постоянной политике, и укоренить мало-помалу мысль об исключительном праве одной фамилии на достоинство верховное» (Н. Г. Устрялов. «Русская история до 1855 г.», Санкт-Петербург, 1855. С. 156).

Потому Иван Калита, желая сильной родовой власти, сделал всё возможное для того, чтобы титул великого князя перешёл к его сыновьям, а от них — внукам и правнукам. Его княжение и последующие годы были живительным отдыхом для истомлённой Русской земли. В общей сложности четы-

ре десятка лет была «тишина велия».

Сыновья его Симеон Гордый (1317–1353) и Иван II Красный (1326–1359), великие князья владимирский и московский, уже позволяли себе защищать свои владения от ордынских набегов, задерживать дань. В свою очередь внук его Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) сделал уже серьёзную попытку сбросить с шеи русского народа степное ярмо. Ему не удалось завоевать полную независимость, но вселить надежду в скорую победу он сумел. И в этой благородной борьбе его активно поддерживала и благословляла Русская Православная Церковь.

В 1359 году умирает великий князь Иван Иванович, оставив малолетних сыновей и дочерей, старшему из которых, Дмитрию, было только девять лет. Страшно себе представить, что было бы с княжичами, Москвой и Русью, если бы не митрополит Алексей. В одной из грамот Константинопольского патриарха писалось: «Спустя немного времени скончался великий князь Московский и всея Руси, который перед своей смертью не только оставил тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому в виду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить его».

Так оно и получилось. Воспользовавшись смертью Ивана Красного, Суздальский князь Дмитрий Константинович, по праву старшинства в роду, идущему от Рюрика, получил в Золотой Орде ярлык на великое княжение и сел во Владимире. Москве грозила опасность потерять свои позиции первенства среди русских земель. Её правящая элита — бояре и, конечно же, митрополит — решили противостоять опасности: надо было ехать в Орду.

К тому времени потомки Чингисхана перессорились друг с другом в борьбе за власть. Джанибек, благоволивший Москве, был убит родным сыном Бердибеком, умертвившим двенадцать своих братьев. Бердибека, в свою очередь, убил его родственник Кульпа. А того — Навруз. Но Навруз недолго был ханом: его зарезал полководец Хидыря. Нового хана умертвил сын Темирходжа, который правил только шесть дней. (В 1361 году один из ханов «побил рекорд» краткосрочности правления — он правил всего три дня. После чего был убит.) Темирходжу сверг темник Мамай, который посадил на трон чингизида име-

нем Абдула. В это же время в Сарае стал ханом Мурат, или Мюрид, брат Хидыря.

К нему и привезли московские бояре девятилетнего Дмитрия Ивановича. Новый хан дал ярлык на великое княжение несовершеннолетнему князю. Московские бояре так искусно вели свою политику, что получили ярлыки сразу от двух повелителей. Получить от двух правителей два ярлыка — это рекорд Москвы на ниве дипломатии.

Историк Н. И. Костомаров основательно комментирует это событие: «Таким образом, на этот раз уже не лицо московского князя, неспособного по малолетству управлять, а сама Москва, как одна из земских единиц, приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси: прежде её возвышало то, что князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот — малолетний князь делался старейшим именно потому, что был московским князем».

Мюрид, узнав о двух ярлыках, разозлился и отдал тархан Дмитрию Константиновичу.

Москве надоела подобная неустойчивость, и она захотела разрешить спор силой: собрала многочисленную рать во главе с 12-летним князем и согнала с престола во Владимире Дмитрия Суздальского. Но тот, увидев, что его тёзка вернулся в Москву, выгнал наместников и занял свой стол. На следующий, 1363, год Дмитрий снова занял Владимир.

Москва не теряла времени даром. Юный Дмитрий с помощью мудрых и преданных бояр, при благословении митрополита уже подготавливал будущее могущество своего княжества. В 1364 году он отдал города Серпухов и Боровск во владение своему двоюродному брату Владимиру Андреевичу, который был моложе Дмитрия на четыре года, и заключил с ним прочный союз, который не колебался и в последующие годы их жизни. На правах владения большей части Ростовского княжества были ограничены права его князя. Князья Галицкий и Стародубские были лишены своих уделов.

Видя усиление Москвы, Дмитрий Суздальский примирился с Московским князем. А через два года, в январе 1366-го, выдал за него свою дочь Евдокию. И не прогадал. Ибо зять вскоре помог ему в борьбе за Нижний Новгород. Польза была и Москве — она становилась всё авторитетнее среди русских северо-восточных земель. К голосу её прислушивались всё чаще. А Московский князь извлёк для себя урок: сила ломит силу, даже когда не права. Значит, надо быть сильным. И может быть, удастся полностью избавиться от власти ордынской.

А пока Дмитрий Иванович — опять же с благословения митрополита Алексия — стал восстанавливать Москву после жестокого пожара 1365 года. Летописец тогда записал: «князь великий Дмитрий Иванович сдумаша ставити город камен Москву, да ежи умыслиша, то и створиша. Тое зимы повезоша камене к городу». Тогда же был построен первый каменный мост через Неглинную. Отреставрированная Москва выглядела очень красиво, особенно крепость с каменными башнями. В 1367 году вокруг Кремля были выстроены башни с воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (уже не существуют — *А. П.*) и Алексеевскими. Угловая башня напротив Москворецкого моста была названа в честь известного боярина Фёдора Свибла. Крепость,

выложенная из камня, придавала столице княжества солидный вид. А когда в следующем году безуспешным оказался набег литовского Ольгерда, который за трое суток не смог одолеть крепость, москвичи поняли, как она необходима для защиты от врага.

Кремль Дмитрия Донского просуществовал более ста лет, пока его правнук Иван Великий не сделал московскую крепость такой, какой почти всю мы видим сегодня — красавицей.

Нарастающая сила Москвы явно не нравилась ни Новгороду, который не хотел быть от неё в зависимости, ни Рязани с самолюбивым князем Олегом, ни Твери, чей князь Михаил Александрович помнил гибель своего отца в Золотой Орде по вине Ивана Калиты.

Михаил Тверской по праву считал себя старейшим среди русских князей. Понимая, что одному окрепшую Москву не одолеть, он обратился за помощью к литовскому князю Ольгерду, женатому на его родной сестре Ульяне. Отважный и умный литвин и сам не прочь был взять под загребушую руку северо-восточные русские княжества. Как он и сделал, захватив Киев. Как его отец Гедимин ранее присоединил западные княжества: Минское, Лукомское, Друцкое, Берестейское...

Собрав сильное войско, Ольгерд тайно (тайно) вошёл в Московское княжество. На реке Тростне 21 декабря 1368 года разбил высланную ему навстречу рать. Вскоре подошёл к Москве, где затворились в крепости Дмитрий Иванович, его двоюродный брат Владимир Андреевич, митрополит, бояре и народ. Москвичи успели пожечь посады, чем несказанно удивили Ольгерда. Он не ожидал такой жертвенности. Взять Москву ему не удалось. Но грабил и жёг он так, что люди посчитали Батюя менее жестоким.

За разорение Московских земель разором ответили завоёванные Литвой Смоленские и Тверские уделы. Получалось, что русские уничтожали русских. Так было ещё дважды. Но во второй раз Ольгерду повезло меньше. Нападение было не таким неожиданным. Не взяв даже Волока, 6 декабря 1370 года он подошёл к Москве. Ольгерд опасался удара в спину, ибо знал, что Владимир Андреевич Серпуховской успел собрать своё войско и стоял в Перемышле. Литовский князь пожёг посады и окрестные сёла, неделю постоял под Кремлём и заключил с Московским князем перемирие.

Для утверждения на великокняжеском престоле Золотая Орда предлагала Михаилу Александровичу войско. Но тот боялся возбудить ненависть соплеменников и отказался от помощи. Взял с собой только ханского посла. Князь Тверской думал, что, показав ярлык на великое княжение в присутствии посла, добьётся подчинения русских князей. Но владимирцы даже не впустили их в город. Посол хана Сарыходжа пригласил Дмитрия Ивановича во Владимир, но Московский князь ответил кратко: «К ярлыку не еду, на великое княжение не пуцу, а тебе послу царёву путь чист». И добавил: «с великою любовью».

Так оно и было. Сарыходжа приехал в Москву, где его сытно накормили, напоили, обласкали и дали на дорогу щедрые подарки. Посол уговаривал Дмитрия Ивановича приехать в Орду. Московский князь поступил дипломатично. С богатыми подарками он приехал к Мамаю

и так понравился новому управителю, мечтавшему стать ханом, что тот уменьшил обычный выход в два раза, надеясь, что Москва будет платить регулярно. Получив ярлык на великое княжение, Дмитрий Иванович выкупил «еже есть тьму рублев», за 10 000 рублей серебром, Ивана, сына Михаила Тверского, который находился в Орде за долги. Он держал его у себя в заложниках, пока Михаил Александрович не выкупил сына и не подписал мирный договор с Москвой, отказавшись от великого Владимирского княжения.

В третий же раз, летом 1373 года, москвичи встретили литовскую рать уже у Любутска (Калуги). Войны не случилось. Заключив перемирие, войска разошлись. К этому времени Ольгерду было не до Москвы: его занимала война с немцами.

Неугомонный Михаил Тверской ждал подходящего случая, чтобы отомстить москвичам. Вскоре этот случай, как ему казалось, выпал. В Тверь сбежали бывший тысяцкий Иван Вельяминов, чью должность великий князь упразднил, и купец по имени Некомат. Михаил снова ринулся в Литву, но там помощь ему только пообещали. Зато в Орде снова дали ярлык на великое княжение.

Обрадованный Михаил Александрович объявил Москве войну. В августе 1375 года Дмитрий с союзниками (к нему пришли князья суздальские, нижегородские, городецкие, смоленский, новосильский, тарусский, обленский, стародубский, брянский и даже новгородцы, которым Михаил досадовал своими поборами) осадили Тверь. Через месяц Михаил запросил пощады. Дмитрий не стал присоединять его княжество к Москве, но сделал Тверского князя своим подручным. Он настоятельно потребовал считать Московского князя старейшим, ходить с ним на войну и не принимать от хана великокняжеского достоинства, не претендовать на Кашинские земли (отсекалась половина Тверской вотчины), вернуть награбленное церковное и частное имущество новгородцам и при нападении татар на Москву или на Тверь быть заедино.

Приняв эти условия, Михаил Александрович Тверской в душе ратоборствовал и не хотел сдаваться. В тот же год он «отпустил сына своего князя Ивана во Орду» за помощью против Москвы. В Орде ему деликатно, но твёрдо в действенной помощи отказали.

В это же время Дмитрий Иванович Московский сам приехал к хану в Орду. «Добре» одарил и управителя Мамаю, и царя, и царицу, и приближённых к царю князей. В результате «пожалован был опять великим княжением Владимирским...».

А князю Михаилу Александровичу ордынский царь ответил так: «Княжение тебе уже давали великое и давали тебе рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении, и ты рати и силы нашей не взял, а говорил, что своею силою сядешь на великом княжении, и ты сиди с кем тебе любо, а от нас помощи не ищи»...

Впрочем, и родственник его, могучий Ольгерд, не мог пособить ему, ибо это означало объявить войну русским князьям. Потому Михаил Александрович признал Московского князя старшим и подписал с Москвой союзный договор. Послом о мире выступил Тверской епископ Евфимий.

В итоге 3 сентября 1375 года войска русских князей оставили Тверь. Представляет большой интерес неожиданная деталь Докончальной грамо-

ты 1375 года: оказывается, третейским судьёй по спорным делам между Дмитрием Ивановичем Московским и Михаилом Александровичем Тверским был великий князь Олег Иванович Рязанский.

Мы уделили немалое время отношениям двух именитых княжеств. Но было ещё одно княжество, не менее известное своими ярыми воинами и беспокойным характером. С 1350 года княжил в нём очень молодой и самый дерзкий из рязанских вождей — князь Олег Иванович. Он был отчаянно-смелым и думающим полководцем.

С детства настороженно относился к московским правителям. Он помнил, как князь Юрий Данилович удушил его прадеда. Но помнил и к чему привела междоусобица двоюродных братьев. В 1339 году Рязанский князь Иван Иванович Коротопол подстерёг Александра Михайловича Пронского, который вёз ясак хану в Золотую Орду... За гибель отца через четыре года отомстил Ярослав Александрович Пронский. На следующий год он сам был убит.

Вражда рязанских и пронских князей ещё долго будет мешать единству этого княжества и приведёт всё-таки к его ликвидации.

В молодом князе Олеге Ивановиче бурлила энергия победителя. Ему хотелось делом доказать свою удачу. А на кого напасть? Золотая Орда ещё сильна. Литва — ещё сильнее. Тогда он направил войско на Московское княжество. В 1353 году в Москве только-только стал править Иван Красный, он же Кроткий. Расчёт был психологически верным. Олег захватил небольшую, но стратегически важную волость — Лопасню, которая не так давно принадлежала рязанцам. Как писал московский летописец, «князь Олег ещё тогда молод был, младоумен, суров и свиреп вместе со своими рязанцами, с потаковниками ему, с бродниками, много зла христианам сотвориша».

Иван Иванович не стал мстить Олегу Ивановичу. Он согласился с размежеванием Московской и Рязанской земель, сделанным чиновниками Орды. В духовной грамоте Ивана Ивановича называются «места Рязанские отменные», полученные «вместо Лопасни». В их числе, в частности, «Новый городок на усть Поротли». Но попавшего в плен лопасненского наместника Михаила Александровича, который зело пострадал от супротивников, Московский князь всё-таки выкупил.

Через год, воспользовавшись раздорами внутри Муромского княжества, Олег наложил на него свою тяжёлую руку. С тех пор муромчане постоянно входили в состав войска рязанского. Наряду с ними в походах участвовали воины других мелких княжеств: Козельского, Тарусского, Пронского, Новосильского. Рядом с Рязанским княжеством располагалось Елецкое, с князьями которого Олег дружил. К тому же Олег состоял в родственных отношениях со многими литовскими князьями. Не надо забывать о том, что со взятием Лопасни рязанцы стали контролировать водную дорогу из Москвы-реки на Волгу и далее в Сарай, Казань и Булгары. А до того у него под контролем уже был путь богатых сурожских и кафских купцов в Крым и обратно. От всех этих коммерческих передвижений великий князь Рязанский брал свою весомую долю.

В 1372 году, воспользовавшись войной между Тверью и Москвой, дерзкий Олег Иванович попытался пойти войной на князя Дмитрия. Но

его отряд разгромил один из московских воевод. Олег Иванович чуть не лишился своего княжества: его соперник князь Александр Пронский захватил Рязань. Правда, вскоре Олег отбил княжеский стол. Но глубокое недовольство против Москвы затаил.

Влиятельному полководцу Золотой Орды Мамаю явно не понравился союз, заключённый между Суздальским и Московским князьями. Он видел, что Дмитрий Московский стремительно набирает силу, и решил поставить предел этому объединению.

Кто же такой Мамай, вошедший в народный русский эпос в роли жестокого «царя»? Мамай был командиром десятитысячного отряда золотоордынского войска в Крыму при хане Джанибеке. Придя к ханской власти, Бердибек, нуждаясь в дружественном окружении, пригласил умелого полководца Мамаю в Сарай. Чтобы приблизить его к царственной семье, отдал ему в жёны свою дочь. Таким образом, Мамай стал гургузом, ханским зятем. Только в отличие от Бориса Годунова в подобном положении Мамай не имел права на трон. Хотя и мечтал о нём. И даже выпустил в Азаке (Азове) в 1361 году в свою честь монету «Мамай правосудный». В том же году после гибели своего благодетеля он привёл к власти Авдулу и властвовал вместо него. Но Авдула «царствовал» не более года. Со своим бывшим сувереном Мамаю пришлось вернуться в Крым.

Со временем Мамай распространил своё влияние от юга до границ Нижегородского княжества. Но росло и сопротивление русских княжеств его набегам. Так в 1373 году, когда Мамай, ограбив Рязанское княжество, шёл на Москву, он встретил на Оке русское войско, возглавляемое Дмитрием и его двоюродным братом Владимиром Серпуховским, и вынужден был отступить, на время сдержав свой гнев. Так же было и через два года.

Летом следующего, 1376, года он послал свои тумены на Рязань, но неожиданно Дмитрий Иванович снова преградил ему путь, на этот раз перейдя Оку, и снова не дал разорить Рязанское княжество. Более того, весной последующего года Московский князь совместно с Нижегородским воеводой Дмитрием Боброком-Волынским совершил наступательный поход и занял Казань, обложив данью земли болгар. Мамай понял, что договор, заключённый русскими князьями в Переславле-Залесском в 1374–1375 годах на двух съездах, соблюдаемый всеми сторонами (объединение князей против его союзника Михаила Тверского — тому наглядный пример), к которому он отнёсся вначале легкомысленно, имеет в основе своей опасное антиордынское направление. Требовалась серьёзная подготовка к разгромному карательному походу против Москвы — объединительницы русских земель.

Для этого Мамаю нужны были большие деньги. Взять их он мог только у своих друзей — крымских и генуэзских купцов, с которыми сотрудничал много лет, будучи реальным князем Крыма и поставляя им живой товар. Кстати, торговля людьми, которых везли из Причерноморья, приносила баснословные барыши. В Венеции рабство закреплялось рядом законодательных актов с XIII века. Устав Кафы 1449 года (генуэзская крепость, ныне Феодосия — *А. П.*) прямо разрешал работоторговлю. Ценились особенно русские женщины. Можно было продавать детей и взрослых,

мусульман и православных христиан. Разрешалось всех пленённых превращать в рабов. Кроме католиков...

В очерке «Великий князь Димитрий Иванович Донской» («Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», книга I, М., «Книга», 1990) Н. И. Костомаров, ссылаясь на источники, обозначил образ князя «неясным». Он считал, что Дмитрий Иванович был несамостоятельным в своих действиях, ибо как в детстве им руководили бояре, так и в зрелости ничего не изменилось: «бояре были у него как князья; так же завещал он поступать и своим детям». Московский князь действительно высоко ценил разумные советы и митрополита, и полководцев своих: Владимира Андреевича Серпуховского, Дмитрия Бренка, Дмитрия Боброка-Волынского...

И тут Костомаров делает неожиданный вывод: «От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему и что его боярам. По некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный и потому руководимый другими. Этим можно отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории» (стр. 208). Можно понять историка, читавшего Никоновскую летопись, где Дмитрий изображался неуверенным и слабым даже. Но мне кажется, читателю будет интересно другое объяснение этому факту, данное нашим современником писателем Юрием Лощицем в его книге, изданной в 1983 году («Дмитрий Донской», М., «Молодая гвардия»): «Но эта слабость Дмитрия сознательно противопоставлена гордости Мамаю. А кроме того, в слабости, в духовной немощи и нищете, самосознаваемой, конечно, видели — по законам того же мирозерцания — залог силы. Ибо только слабые обращаются за помощью, гордые же полагаются во всё на себя» (стр. 241).

И всё же жизнедеятельность великого князя говорит о другом: о его могучей работоспособности. Да и летописцы отмечали необыкновенное трудолюбие Дмитрия Ивановича. А последнее перечёркивает своим действием предположения о его нерешительности, сомнениях, малоспособностях. В летописях сохранилось описание внешности Дмитрия Ивановича в ту пору, когда ему было уже около 30 лет. Выглядел он очень сильным и мужественным. Телом был велик и широк, плечист, чреват (т.е. толст), очень тяжёл, имел чёрные волосы и чёрную бороду. В этом описании бросается в глаза указание на раннюю полноту Дмитрия Ивановича, что объясняет его раннюю смерть. В кратких сообщениях можно как будто заметить указание на то, что он умер от болезни сердца. Автор его жития говорит: «Потом же разболелся и тяжко ему велми было, и потом полегчало ему, и возрадовались все люди о сем. И снова в большую болезнь впаде и стенание пришло ко сердцу его, яко и внутренним его торгаться и уже приближался конец жизни его».

Заметим ещё одно ценное для жизни княжества достоинство Дмитрия Ивановича: он был благородным семьянином. Так уж получилось, что в 1364 году в раннем возрасте (не было и десяти лет) умер младший брат Дмитрия Иван Малый. А на следующий год ушла из жизни их мать, великая княгиня Александра. Эти потери в известной степени помогла пре-

одолеть молодая супружница Евдокия, дочь Дмитрия Константиновича, Суздальского князя, ставшая на всю жизнь самым близким человеком для Дмитрия Ивановича.

Свадьба их состоялась 18 января 1366 года в Коломне. А почему именно в Коломне? К великому сожалению жителей, Москва в очередной раз сгорела от могучего пожара. Потому свадьбу перенесли в уютный город, который через шестнадцать лет выполнит ответственную миссию собирателя великорусского ополчения против нашествия Мамаю.

В период с 1363-го по 1380-й не было ни одного года, чтобы великий князь Московский и Владимирский со своим войском не участвовал в том или ином походе, в том или ином сражении. Для таких действий нужны иные качества характера: решительность, неутомимость, воля. Поистине — «стражу земли Русския мужеством своим держаша».

В 1377 году Мамай, контролировавший почти все территории западнее Волги, и Урус-хан (русский хан), владевший восточной частью Золотой Орды, были готовы захватить в свои руки бесконтрольную власть в столице Золотой Орды. Это он в том же году изгнал из Сарая царевича Арабшаха (Арапша), сменившего своего хана Тохтамышша на более удачливого Мамаю.

Когда неожиданно в Нижегородской земле с угрозами грабежей появилось войско Арапши, верный своим союзным обязательствам Дмитрий Иванович посылает нижегородским князьям военную помощь. Но, не найдя Арапшу, русские воины, уверенные в своей безопасности, пренебрежительно отнеслись к врагу. Не поставив охрану, перепились у реки с символичным названием Пьяна и были перебиты неожиданно появившимися татарами из орды Мамаю. Появлению их поспособствовали мордовские князья, с которыми у нижегородцев были частые столкновения. Летопись сообщает, что татары «сами пришли к Новгороду к Нижнему изгоном без вестн. У князя же Дмитрия Константиновича не было силы встать против них на бой, и он побежал в Суздаль, а люди горожане новгородские бежали в судах по Волге к Городцу. Татарове же приидоша к Новгороду к Нижнему месяца августа в 5 день и перебив тех жителей, что ещё оставались в городе, весь город сожгли». Такова была месть золотоордынского гургена за убийство его послон.

Обрадованный лёгкой победой, летом следующего года Мамай направил в карательный поход пятидесятитысячный отряд мурзы Бегича. Но Дмитрий Иванович, узнав об этом, быстро собрал тридцатипяти тысячное войско, перешёл Оку и, соединившись с рязанцами 11 августа 1378 года, разгромил Бегича на реке Воже (Ворскле).

Редкие исследователи заметили, что Московский князь впервые применил военный приём, который принесёт полную победу на поле Куликовом. По совету своих полководцев Владимира Серпуховского и Дмитрия Боброка-Волынского он спрятал в лесах на флангах своего войска засадные полки. И когда русские отряды под напором превосходящего противника прогнулись в центре, засадные полки, вырвавшись из леса, ударили вражескому войску в бока и смяли его своим напором. Победа была полной. В битве погиб и сам Бегич, и другие неприятельские полководцы.

Первая крупная победа доказала, что непобедимые ордынцы могут бежать от русского оружия. Радость людская была велика, ибо «время

отступило от татар». Поражение Бегича подняло дух русского народа, теперь уже безнаказанно громившего ордынские отряды, врывавшиеся для грабежа в юго-восточные города.

Так Москва превращалась в боевую силу, готовую защищать не только себя, но и все русские земли, предлагая им своё покровительство.

Мамай, который к тому времени объявил себя ханом и мечтал на троне чингизидов обессмертить своё имя воинской славой, конечно же, понимал, что началась битва не на жизнь, а на смерть, и потому стал основательно готовиться к походу на Русь. Денно и ночью он желал «вторым царём Батыем быти и всю Русскую землю пленити». Ради мощи нашествия он заключил союзы с литовским великим князем Ягайло, генуэзцами и, собрав все ордынские племена, включив в своё войско хивинцев, аланов, касогов, буртасов, армян, горских евреев и других наёмников, во второй половине июля 1380 года не торопясь двинулся к Дону.

Рязанский князь Олег, вынужденный заботиться о своей земле и потому держаться стороны Мамаю, тем не менее предупредил Дмитрия о нашествии. Но московский князь уже знал об этом и сам. Тщательно готовился, собирая общее войско для защиты Отечества. Он решил не дожидаться противника, а упредить его, выйти навстречу. К этому времени желание русских земель освободиться от владычества ордынцев и унижительной дани было очень сильно. Настроение, происходящее в столице Золотой Орды, только подвигало к восстанию против угнетателей, хотя боязнь страшных погромов полуторавековой давности тяжёлым камнем лежала на душе каждого. Но надо было выбирать.

В Москву и в Коломну — основной центр схода — стали собираться добровольцы из земель Владимирской, Московской, Нижегородской, Суздальской, Ростовской, Белозёрской, Муромской, Стародубской, Ярославской, Псковской, Брянской. Могутный стан жил в радостном ожидании: шум, смех, бряцанье оружия, ржание коней. Давно не было такого оживления. Желавших постоять за дело русское было много. Присоединялись даже тверичане, новгородцы и рязанцы. Хотя дружины их князей не пришли.

Следует сказать, что при правлении Дмитрия Ивановича было создано постоянное хорошо вооружённое двадцатитысячное войско, готовое в любой момент выступить в поход.

К тому времени уже два года, как не было в живых Предстоятеля русской церкви, защитника земли Московской митрополита Алексия. Новый кандидат на метрополию архимандрит Михаил (Митяй) по желанию Дмитрия отправился в Константинополь на утверждение. Москва осталась без духовного наставника. Тогда Московский князь отправился за благословением на битву в Троицкий монастырь к преподобному Сергию, за которым признавали пророческий дар. Своим подвижничеством и заступничеством за больных и сирых Сергий заслужил всеобщее уважение. Его молитвам, как верили многие, внимали на небесах. Сергий Радонежский не только дал напутствие русским воинам, но и отпустил с князем двух иноков: Александра Пересвета и Родиона Ослябю — в помощь ратному делу.

В августе соединённое войско выступило в путь из Москвы на Коломну. 20 августа епископ Коломенский Герасим также напутствовал русские

полки на «окаянного сыроядца Мамаю, нечистиваго Ягелла и отступника Олега». В устье Лопасни к войску присоединились полки Владимира Серпуховского и добор московского ополчения. Через неделю войско перешло Оку и двинулось вдоль Рязанской земли к Дону.

В дороге догнал гонец от Сергия. В грамоте своей преподобный писал князю: «Чтоб еси, господине, таки пошёл, а поможет ти Бог и Святая Богородица». Это письменное благословение святого игумена ещё более вдохновило войско на правое дело.

6 сентября, одолев двухсоткилометровый путь, русские полки подошли к Дону. Разведка (сторожа) постоянно доносила о движении Мамаевых полчищ. Третья сторожа, во главе которой стоял смелый воевода Степан Мелик, привела «языка» от «двора царёва». Мамай уже расположился в урочище Кузмина гать и дожидался прихода литовских и рязанских войск.

После долгих сомнений русские решили переправиться через Дон и занять лежащее за рекой между лесами Куликово поле, преградив таким образом путь для манёвра войскам Мамаю. Основным аргументом для такого решения послужили слова литовских князей, сыновей Ольгерда Андрея и Дмитрия: «Если останемся здесь, то слабо будет войско русское, а перейдём через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством; одолеем татар — будет тебе, князь, и всем нам слава, а если они перебьют нас, то все умрём одной смертью». Братья не любили своего ближнего родственника Ягайло, перешедшего в католическую веру, и потому пришли на помощь Дмитрию Ивановичу со своими добрыми бойцами.

Великий князь ответил: «Любезные друзья и братья! Ведайте, что я пришёл сюда не за тем, чтобы на Олега смотреть или стеречь реку Дон, но с тем, дабы русскую землю от разорения и пленения избавить или голову свою сложить. Честная смерть лучше плохого живота (жизни — *А. П.*). Лучше бы мне не идти против безбожных татар, нежели пришед и ничто не сотворив, воротиться вспять. Ныне же пойдём за Дон и там или победим, или поляжем за святые церкви, за православную веру и за братью нашу Христову».

На следующий день Дмитрий Иванович приказал наводить мосты через Дон, искать броды. А 8 сентября, в субботу, ранним утром ратники уже были на той стороне и воинским порядком двигались к Непрядве.

День начинался туманно. Но к десяти часам туман рассеялся. Развиднелось. Русские войска успели построиться в боевые порядки.

Расположение их было таково. Полк правой руки под командованием Андрея Ольгердовича встал у речки Дубика. Полк левой руки, которым начальствовали князья Белозёрские, разместился у речки Смолки. Большой полк, который возглавил храбрый боярин Вельяминов — известно, что под его начало встали отборные воины, — разместился в центре. За ним встал полк литовского князя Дмитрия Ольгердовича. Впереди большого полка разместился передовой пеший полк, которому предстояло начать битву. Его возглавили братья Всеволодовичи. Рядом с ними встал конный сторожевой отряд Мелика, состоявший из отчаянных храбрецов. Засадный полк — карающий меч победы — также формировался из отборных, но всадников. Эта конница, основу которой составляли потомки

татар, служивших Ивану Калите, была под началом двух выдающихся полководцев: двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича и Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского.

Перед русскими воинами вёрст на десять расстилалась ширь Куликова поля.

Во второй половине дня на горизонте появилась ордынская конница, медленно стекавшая с вершины Красного холма.

Ставка хана Мамаю располагалась на крутогоре. Предводитель Орды не терял надежды на соединение с Ягайлой и Олегом Рязанским. Именно этого остерегался московский князь. Потому, объехав на коне (заменяв нескольких за короткое время) воинские порядки и настроив русичей на победу, он, сменив княжеские доспехи на одежду простого воина, вместе со сторожевым полком начал движение к передовым отрядам ордынцев.

Противники сблизились и застыли друг напротив друга.

По легенде, первыми схватились два богатыря: русский дружинник Пересвет и татарский воин Челубей. Древние обычаи разрешали подобную схватку вместо битвы двух войск. Победивший в поединке решал судьбу общей победы.

Читателям известно имя инока Троицко-Сергиевой лавры Александра Пересвета и его сотоварища Андрея Осляби, которых, благословив на победу, отправил на ратное поле Сергей Радонежский. Но менее известно имя ханского богатыря Челубея. Он принадлежал к особой секте «Гэлупа», в которой состояли великие воины Востока, исповедовавшие одно из ответвлений буддизма. Символом секты была свастика. Челубей считался непобедимым, ибо из трёхсот боёв не проиграл ни одного.

Вот почему на острие битвы оказались два воина. Вот почему мудрый игумен земли русской послал двух монахов, воинов Христовых, супротив поклонников космоса. Оба знали, что они отстаивают. И оба упали за смертью...

Завязалось сражение. Разбитый авангард подкрепили новые татарские силы. Противник был увлечён азартом боя, что и требовалось по начальной задумке Дмитрия Ивановича.

Когда Мамаевы полчища облегли степь и стали надвигаться на русские полки подобно грозовой туче, новобранцев охватили тревога и неуверенность. Летописец заметил: «Московцы же мнози небывальни, видевши множество рати татарской, усташася и живота отчаявшася, а инии на беги обратишася» («Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Сборник» (Под редакцией Б. А. Рыбакова), М., Изд-во МГУ, 1983). Татары ринулись за бегущими и били их без пощады. Московская дружина была разбита, знамя великокняжеское подрублено, пал Михаил Бренок. Воевода Вельяминов с владимирскими и суздальскими дружинами с трудом сдерживали напор врага. Татары уже были готовы отбросить наши полки к Непрядве и растерзать их в оврагах. «Дело русских казалось проигранным, но к трём часам пополудни всё изменилось» (Н. И. Костомаров, указ. Соч., стр. 223).

В зелёной дубраве на вершинах деревьев сидели воины, и как только заметили, что ордынцы хлынули мимо них в центр сражения, подали

знак воеводам. И тогда, словно копьё возмездия, ударила в бок и в спину мамаевской рати отборная засадная конница, исполняя талантливый замысел боя. Ордынцы, только что бывшие в предвкушении окончательной победы, почувствовали себя беззащитными и сразу же повернули вспять. Но отступавшие русские воины развернулись и ударили. Татары побежали. Вначале к Красному холму, к своему хану, потом — вдогонку за ним. Мамай, видя своё поражение, воскликнул: «Велик бог христианской земли!» — и помчался, сменяя коней, искать спасения.

Русская конница преследовала бегущих вёрст пятьдесят, до Красивой Мечи. Спаслись только те, кто, как Мамай, имел запасных коней.

Такого грандиозного исхода битвы над опасным и умелым врагом русское войско ещё не знало. Владимир Андреевич, став под черным знаменем, велел трубить победу.

Великого князя среди ликовавших не было. Князь Серпуховской велел искать его. Наконец, Дмитрия Ивановича нашли: под израненной берёзой, в иссечённых доспехах, в бесчувственном состоянии. К счастью, от криков победителей он вскоре очнулся. Контуженный в голову, он и в таком состоянии был красив. Можно представить, какую радостью сиял взор его, одолевшего врага в одной из самых крупных битв средневековья! Но и радости воинов не было границ.

Когда же подсчитали погибших, то и печаль была великая, безграничная: оказалось, их пало больше половины из пришедших на поле Куликово (по мнению Льва Гумилёва, из 150 тысяч русских воинов осталось только 30). Дмитрий велел собрать тела павших и отвезти в Москву для почётных похорон.

Великий литовский князь Ягайло, находившийся на расстоянии одного перехода от сражения, узнав о поражении союзника, развернулся и ушёл в свои пределы. В «Сказании о Мамаевом побоище» о нём написано так: «Ольгерд же Литовский, прослышав, что князь Димитрий Иванович победил Мамай, возвратился восвояси со стыдом великим». Предварительно совершив великую подлость: воины Ягайлы, дождавшись возвращающихся с поля Куликова, напали на русские обозы и перерезали раненых.

Что касается Олега Рязанского, то он не показался на поле боя. Впрочем, в своей книге «От Руси до России» (М. Изд-во В. Шевчука, 2000 г. С. 164) Л. Гумилёв пишет: «Оказывается, Олег Рязанский, которого обвиняли в измене и предательстве, с пятитысячным отрядом сумел, искусно маневрируя, задержать литовцев». Может быть, подобное и было так задумано! Хотя именно он вместе с нижегородскими князьями через два года будет вести войска нового хана Тохтамышша, соперника Мамаю, отравленного в Крыму генуэзцами (по другим сведениям, убитого Тохтамышем), на Москву.

Значение Куликовской битвы непреходяще для национального сознания русских. По слову писателя Юрия Трифонова, на Куликово поле пришли разные племена, а ушли одним народом. Возможно, что именно там, в крови и страданиях, рождалась (как и всё, что рождается своевременно) великорусская народность. Но всё же я думаю: на поле Куликовом племена русские вспомнили, что они были одним народом, целым, в них

неожиданно и предельно ясно всколыхнулась историческая память. Им снова захотелось в новых, труднейших временах стать единой могучей общностью, вольной и независимой, которая, если заденут, может и приковать свой щит на воротах непобедимого Царьграда.

Возможно, правы историки Н. И. Костомаров и Н. Г. Устрялов, упрекавшие героя Куликовской битвы, что после победы над ордынцами он «не брал никаких мер к их истреблению» (Костомаров). Устрялов был более откровенен: «Для избавления Руси от неволи надобно было разорить вконец улусы Сарайские, чтобы искоренить гнездившуюся там мысль о праве потомков Чингисхана на господство в нашем отечестве». Но и они понимали, что за победу была заплачена слишком дорогая цена. Возможности восстановления русской силы, чтобы подняться для нового похода, надо будет ждать целое столетие.

Торжество победы было так ощутимо, а скорбь о погибших так трагична, что великий Московский князь не заметил настойчивости Тохтамышша. Тот, разбив Мамаю на берегах Калки, печально знаменитых для русских, и став ханом Золотой Орды, послал доброжелательное посольство в Москву.

Уверенный в том, что победа освободила от всяких обязательств его предков перед потомками Чингисхана, Дмитрий не выразил никакого желания поддерживать отношения слуги с господином.

На следующий год хан отправил царевича Акхозя с требованием уже покорности и уплаты дани. Но царевич побоялся ехать в Москву. Ограничился посещением Нижнего Новгорода. Разгневанный Тохтамыш решил силой добиться своих прав на русский улус и покарать излишне горделивых москвичей.

Стремительно переправившись через Волгу, Тохтамыш вошёл в Нижегородскую землю, князь которой в знак покорности послал своих сыновей Василия и Семёна, братьев жены Дмитрия Донского, в его войско. А на границе Рязанской земли уже стоял Олег, предложивший себя в проводники хана. Он так провёл войско, что обезопасил свою землю, но погубил Серпухов и Москву.

Дмитрия Донского это известие застало врасплох: он не ожидал карательного похода хана и не был готов к набегу. Князь срочно выехал из Москвы искать союзников и собирать войско. Так же поступил его двоюродный брат Владимир Андреевич. Москва сожгла посады и затворилась.

Трое суток ордынцы безуспешно штурмовали московскую крепость. Воины и жители доблестно защищались. На четвёртый день при помощи хитрости и уверений Василия, Семёна и нижегородских князей в честности хана Москва открыла ворота. Князь Остей, внук Ольгерда, руководивший обороной города, был убит. Посольство было растерзано, город разграблен и сожжён. 24 тысячи доверчивых горожан и беженцев немилосердно убиты.

Некому было ни отпевать мёртвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним. Татары рассыпались во всей земле Московской: к Можайску и Дмитрову, Звенигороду и Боровску... Ордынцы убивали одних жителей, а других — гнали в плен.

Так могло продолжаться долго. Но отважный Владимир Андреевич разгромил один из крупных отрядов врага и освободил пленных.

Тохтамыш не стал рисковать награбленным. Вернулся восвояси. Вернулся и Дмитрий, чтобы похоронить убитых.

Видя унижение Москвы, князья нижегородские и тверские поехали к Тохтамышу просить великого княжения. Пришлось Дмитрию послать своего сына Василия в Сарай, чтобы Владимирское княжество хан оставил за Москвой.

А вскоре, в 1385 году, заключил союз против хана с Рязанью. Потом возвратил под своё влияние Новгород, усилил позиции в Твери и Нижнем Новгороде. Таким образом, он снова возглавил антиордынский союз русских земель. Вместе с тем не забывал расширять территорию собственно Московского княжества.

Обстоятельства складывались так, что Тохтамыш начал враждовать со своим покровителем, великим и жестоким полководцем эмиром Тамерланом. Последний совершил три похода на Тохтамыша (1389, 1391 и 1394–95 годы) и трижды разбивал его. Этими мощными ударами могущество Золотой Орды было подорвано.

Но, к сожалению, в самый пик подготовки к новой схватке с Ордой 19 мая 1389 года великий князь Владимирский и Московский умирает в возрасте 39 лет, из коих тридцать лет он был великим князем.

Очень сильно охарактеризовал жизнедеятельность Дмитрия Ивановича выдающийся историк С. Ф. Платонов: «Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую, а, отразив этот натиск, он явил такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему, как к своему единственному государю, потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки земли» («Лекции по русской истории», том 1, С-Пб., 1993).

В газете «Куликово поле» в 1992 году я писал: «Куликово поле — мощный фундамент, лёгший в основание Российского государства. Дерзкие бури и жестокие смерчи, столетиями метавшиеся над моей Родиной и крушившие с дьявольским постоянством здание отечества сильных духом, так и не смогли окончательно разрушить его, ибо государство наше любовно отстраивалось заново и расширялось сообразно взрослому организму.

Все эти войны, нашествия, настроения только доказывали глубокую жизненность русского народа и доверившихся его поддержке иных народов, а также мудрую прозорливость его первостроителей, начальников Дома Калиты.

Так неужели мы из советского народа не сможем снова стать великорусской нацией, или кровь в наших жилах застоялась, или не светят нам по-прежнему имена Александра Невского, Данила Московского, Ивана Калиты, Дмитрия Донского? Гора должна чувствовать себя исполином, а не холмом. Хватит пригибаться! Распряимся духовно в полный рост, други мои!»

И мы делаем это!